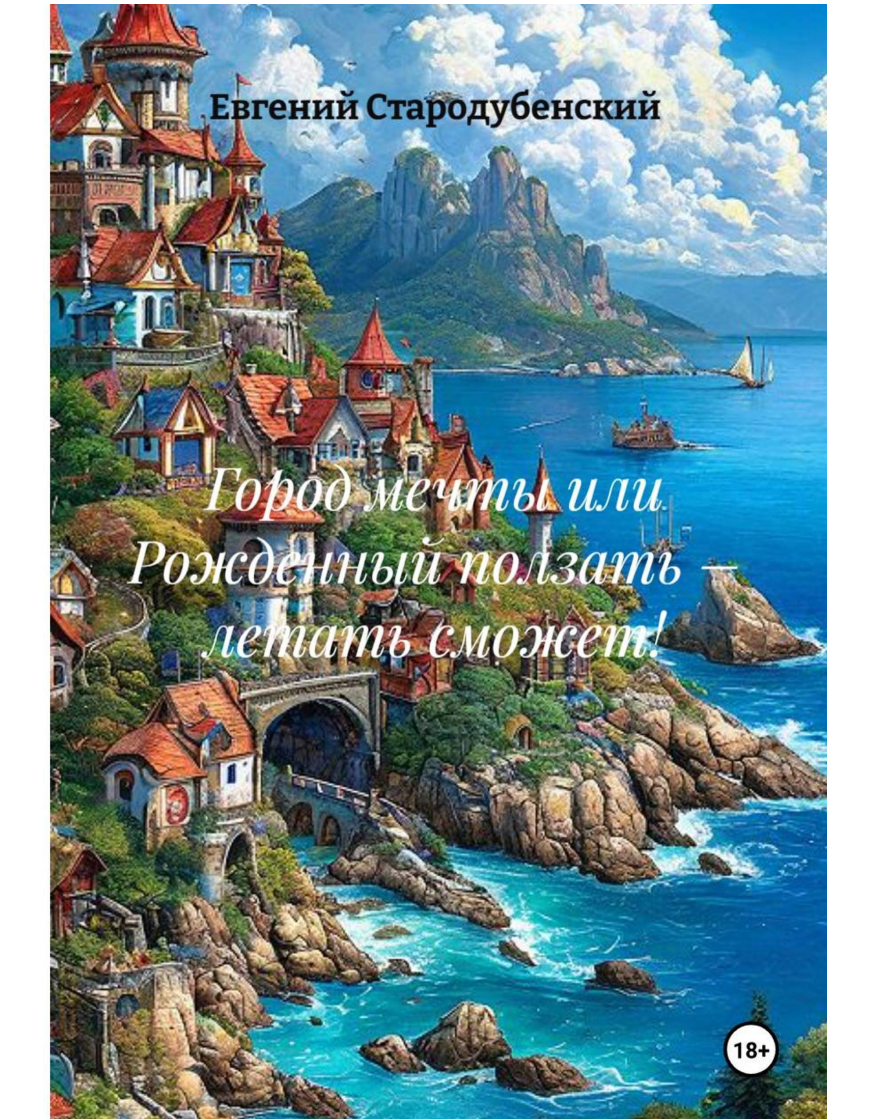

Евгений Стародубенский

*Город мечты или
Рожденный ползатъ
летать сможет!*

Евгений Стародубенский

Город мечты или Рожденный ползать – летать сможет!

<https://litres.ru/74064026>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где крылья — знак статуса, а брак может стоить головы, трое отверженных бросают вызов судьбе. Трутень, чьи крылья были безжалостно оборваны. Богомол, осмелившийся сказать «нет» брачному ритуалу. Муравей, посмеявшийся жить не по правилам коммуны. Они отправляются в Город мечты — заветное место, где, говорят, можно переписать свою историю. На пути их ждут испытания, приключения и встречи, которые заставят задуматься: возможно ли обрести себя, в новых реалиях жизни.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгений Стародубенский

Город мечты или Рожденный ползать – летать сможет!

Глава

Евгений Стародубенский

Если не умеешь летать, беги.

Если не можешь бегать, гуляй.

Если не можешь ходить, ползи.

*Но во что бы то ни стало,
всегда продолжайте двигаться вперед.*

Мартин Лютер Кинг.

Разговор с «Надеждой».

— Центр психологической поддержки «Божья помощь»,
божья коровка Надежда
слушает. Как вас зовут? Чтобы вы хотели обсудить?
Из трубки послышался мужской, слегка нетрезвый голос:

— Вы что, серьезно? Божья коровка по имени Надежда?

— Да, всё правильно, меня зовут Надежда, и я божья коровка. Могу теперь узнать ваше

имя? – не изменив спокойный тон голоса, ответила божья коровка.

— Моё имя? А, разве, это имеет какое—то значение?

— По сути, никакого. Это обычная формальность. Многие звонящие в нашу службу не

называют имён, им кажется, что скрыв имя, будет легче раскрыться и выговориться.

— Что ж, в этом есть смысл, но мне, по большому счету, уже скрывать нечего. Моё имя

Джей.

— Очень приятно, Джей. Раз вы набрали этот номер, следовательно, вы хотите о чём—то поговорить?

— Честно признаться, я и сам не знаю, просто вы единственная, кто со мной говорит.

Ирония судьбы. Потеряв всякую надежду, я ничего не придумал лучше, чем позвонить в вашу службу, и мне ответила Надежда, – усмехнулся Джей.

— Вы говорите, что потеряли всякую надежду? – все так же спокойно переспросила божья коровка.

— Да, потерял. Точнее, у меня её отобрали. А кто мне её вернет обратно, не знаю. Может быть, это сделаете вы, Надежда?

— Сложно вернуть то, что не забирал, – ответила Надеж-

да. — Доверьтесь мне, Джей, расскажите о вашей боли.

— Вам и вправду нужна моя боль? — переспросил Джей.
— Странная у вас работенка, Над.

— У нас большая текучка, сотрудники долго не выдерживают. Ведь мы действительно стараемся помочь всем, кто нуждается в участии.

— Что ж, сами напросились, — пробормотал Джей и начал свою историю:

— Это произошло два года назад. У меня было все, что может пожелать любой трутень моего возраста. Я только что окончил летное училище. Моя девушка ждала от меня золотое кольцо, чтобы называться невестой. Её отец, Большой Вилли, предложил мне отличную работенку в семейном бизнесе. У него крупные плантации цветов, и тридцать лет успешной торговли пылью разных сортов. Пустяковая, казалось, работа: облетать плантации с цветами и вести учет собранной пыли. Большой Вилли серьезно относится к своему предприятию. Ему казалось, что работники—пчелы воруют пыльцу, но это было не так. Работа хорошо оплачивалась, и никому в голову не приходило воровать. Многие работали целыми семьями и держались за свои места.

— И впрямь, неплохая работа, — согласилась Надежда, — на свежем воздухе до обеда, запах цветов вокруг. Что же пошло не так?

— К этому я и веду, Над, — продолжал Джей. — Я любил Майю, так зовут мою... точнее, теперь уже не мою девуш-

ку... хотя, если хорошенько подумать... была ли это любовь?

— Что вы имеете в виду, Джей? — спросила Надежда.

— Майя — любит всё прекрасное: внешность окружающих, архитектуру, блеск драгоценностей, яркость цветов, элегантность одежды. Этот список можно продолжать бесконечно. Не могу вспомнить ни одной нашей встречи, на которую моя пчёлка прилетела бы два раза в одном и том же наряде. Прогулки по магазинам и раздача на благотворительных мероприятиях своего однодневного гардероба, занимали у Майи большую часть времени. Хотя отдыхом подобное времяпрепровождение она не считала. Скорее, наоборот. Для неё это и было настоящей работой. В окружении других насекомых, Майя всегда была мила, учтива и обходительна. Когда же мы оставались наедине, на смену социальным благодетелям приходили эгоистические пороки. Две стороны одной медали. Иногда я задавал себе вопрос, кто же из этих двух диаметрально противоположенных пчелок настоящая Майя? На самом деле никакого противоречия не было. Просто для неё общение с окружающими было работой. Выходя в свет, Майя надевала официально—кокетливый наряд. В кругу родных моментально сбрасывала его, оставаясь в легкой капризно—беспечной накидке. Большого Вилли это вполне устраивало, так же как и меня. Майя точно следовала правилам светских приличий, не позволяя себе ни при каких обстоятельствах нарушать положенный дресс—код.

Мы были отличной парой. Она молода, красива и богата; я мог похвастаться тем же. Все считали нас отличной партой, думая, что мы и сами в это поверим. До сих пор больно говорить обо всем этом в прошедшем времени.

— Вы так говорите, будто и молодость и красоту у вас тоже отняли. Это под силу только времени.

— Я тоже так думал. К сожалению, беда отнимает и то и другое быстрее времени. В этом я смог убедиться на личном опыте, – вздохнул Джей.

— Это очень печально. Может, не будем заострять на этом внимание? – предложила божья коровка.

— Как скажете, вам лучше знать, – согласился Джей.

— Поделитесь, что же случилось с вами?

— Не скажу, что мне хочется об этом вспоминать, но раз я сам позвонил, слушайте.

Это был обычный, ничем непримечательный день. Один из тысячи, так можно его назвать. Часто ли проснувшись утром, мы можем с высокой долей уверенности предсказать, как пройдут новые сутки? Да мы даже не думаем об этом, потому что уверены в завтрашнем дне. Мы строим планы о счастливом будущем, не обращая ни малейшего внимания на своё настоящее.

Как вы знаете, рабочий день у пчел до обеда, пока солнце в зените. Работа под палящим солнцем особой пользы не приносит.

После работы я залетел домой, забрать кольцо и немного

передохнуть. Ближе к вечеру я отправился к Майе. Обычное, казалось, дело. Все и так знали, что в этот день я сделаю предложение. Но традиции нарушать нельзя. Вы, дамочки, заставляете своих парней из кожи вон вылезти, прежде чем ответить «да». Нафантазировали себе в детстве, а нам отдувайся. Так вот, я вылетел к Майе, но не долетел... Дальше я смутно помню. Невиданная сила забрала у меня их...

— Что забрала? — после минутной паузы решилась спросить божья коровка.

— Крылья, — выдавил из себя Джей. — Их больше нет.

— Как же это? — воскликнула потрясенная Надежда.

— Сам не знаю, очнулся в больнице. Мне сказали, что без сознания я провалялся больше суток. Открыл глаза, передо мной стояла моль в белом халате. «Что со мной, док?» — еле ворочая языком, промямлил я. «Вам повезло», — ответила она, глядя мне прямо в глаза. Надо отдать ей должное, взгляд не отводила, и впрямь была уверена, что мне повезло остаться живым. Но ее голос, что—то в нем мне сразу не понравилось. «Вы что—то скрываете от меня, док?» — голова соображала плохо, я только начал отходить от наркоза. «Ваши крылья, — ответила она, — их пришлось ампутировать, в связи с обширными повреждениями правого и левого крыла, соответственно. По всей видимости, кто—то или что—то их оторвало». Туман, начавший было рассеиваться, снова наполнил мою голову, и я опять потерял сознание. Не помню, сколько я провалялся в отключке.

Когда очнулся, рядом с моей кроватью сидел шмель Майор Вихрь. Так, на первом курсе, мы прозвали нашего преподавателя в летном училище. Положив мне лапу на плечо, он спросил: «Как ты себя чувствуешь, сынок?». Я ничего не ответил. Отвернувшись на другой бок, сильно закусил уголок подушки, чтобы не разрыдаться в голос перед тем, над кем мы, как полные кретины, смеялись при каждом удобном случае. Дело в том, что летал майор настолько медленно, что многие вообще не понимали, как он держится в воздухе, да ещё при своем, скажем так, внушительном весе. Отсюда и «вихрь» — издевка мальчишек. Посидев ещё какое—то время он молча встал и ушел, а я так и остался лежать с подушкой в зубах.

Каждую ночь мне снилось, что я падаю в бездну, сильно машу крыльями, стараясь вылететь из этой пропасти, но всё тщетно; удар о землю, и я просыпаюсь на полу рядом с кроватью.

— Какая ужасная история, Джей! — невольно воскликнула Надежда. — Простите, что я так сказала, это непрофессионально, как—то само вырвалось. Я и не думала вас перебивать!

— Всё в порядке, Над, вы помогли мне выйти из этого состояния. Опять начало казаться, что я падаю в эту пропасть.

— Что же было дальше? Если трудно, я пойму, конечно. Как вы себя чувствуете?

— Ничего, бутылка «Хромой тли» помогает более или ме-

нее спокойно всё это вспоминать. Если наше время не закончилось, я, с вашего позволения, продолжу.

— Я не сдвинулся с места, пока не дослушаю вашу историю до конца! — заверила Надежда.

— Это делает вам честь, — Джей икнул, — Извините. Мало насекомых, готовых слушать рассказы пьяного трутня.

— Именно по этой причине, пожалуйста, рассказывайте дальше, и прошу вас, не пропускайте ни малейшей детали! — не отступала божья коровка.

— Дальше — Джей шумно вздохнул, — мне нужно было начинать учиться как—то жить. Физически я восстановился за несколько дней, а вот, психологически не могу излечиться до сих пор. Майя заглянула в палату всего один раз, когда я спал под воздействием снотворного. Думаю, она хотела лично убедиться в моем статусном крахе. Впоследствии я к ней приходил, но об этом расскажу чуть позже. Вы согласны?

— Как вам будет удобно, Джей, не отвлекайтесь, прошу вас, — попросила Надежда.

— С больничной койки я не хотел вставать, несмотря на уговоры врача. Мне хотелось умереть. Я ненавидел свои лапы, мне была невыносима сама мысль, что теперь они — единственное средство передвижения. Хорошей идеей для самоубийства мне показалось выброситься из окна. Последний полет в моей жизни станет лучшим завершением земного пути. Как оказалось, полет без крыльев длился менее секунды и не принес нужного результата. Санитары притащи-

ли меня обратно в палату. Как я понял, ещё ни одному насекомому не удавалось свести счеты с жизнью, сиганув со второго этажа. Они рассказывали, что подобные попытки были не только у меня. Док заявила, что не потерпит в свою смену таких выкрутасов. И пообещала в следующий раз, после промывания прямой кишки (до сих пор не понимаю, как бы эта процедура помогла мне), она отправит мою задницу в клинику для душевнобольных богомоллов. Я понял, что она не шутит, и попытки свести счеты с жизнью поберег до выписки. Заплатив штраф в размере полмедодоллара за нарушение общественного порядка, я продолжил лечение.

— Я очень рада, что вы не довели свой план до конца, Джей, – выдохнула божья коровка. – А как проходил курс реабилитации?

— Трудно. На полигоне, проходя полосу препятствия, я, вместо того чтобы перелезть, перепрыгнуть или просто обойти преграду, старался её перелететь. Оборачивалось это неизбежными падениями. Как следствие, ушибы и разбитые колени были моими постоянными спутниками. Разбегаясь и чётко представляя, что нужно сделать, я уже готовился преодолеть препятствие, как вдруг мой мозг в последнюю долю секунды переставал слушать, и на смену разуму приходили инстинкты. Всё начиналось заново.

По вечерам из окна палаты я смотрел на луну и думал о том, что мне делать дальше. Как ни старался, на ум ничего не приходило. Смирись, говорил я себе, смирись, Джей.

В день выписки меня встретил только Майор вихрь. Десятки прежних друзей и сотни знакомых из прошлой жизни не удостоили меня такой чести. Высшей касте крылатых я был больше не нужен. Нет крыльев, нет и нужного статуса.

Я стоял и смотрел на майора, не говоря ни слова. Не знал, что сказать, только глупо улыбался. Он так же молча смотрел на меня, теребя кончики своих больших седых усов. Думаю, так бы мы и стояли. Но Майор вихрь и в этот раз оказался умнее: «С выпиской тебя, сынок». Я потупил глаза: «Спасибо майор. Но что вы тут делаете?». «А ты как думаешь? Собираюсь отвести своего лучшего студента домой», — ответил он. «Это осталось в прошлом» — заметил я. «Всё остается в прошлом, — вздохнул шмель, открывая дверцу машины. — Садись, сынок, пора ехать домой».

Майор вихрь ехал так же медленно, как и летал. Его плавные и медленные движения переключения передач и поворота руля, так раздражавшие раньше, в этот раз казались мне чем-то вроде медитации. Его уверенное спокойствие передавалось и мне. Куда я торопился раньше, почему не замечал всей красоты и магии момента жизни. «Если бы я мог перемотать всё обратно», — тихо сказал я. Он повернулся ко мне, умудряясь одновременно смотреть и за дорогой: «И что бы ты тогда сделал?». «Как это, что? — удивился я — Сидел бы в этот вечер дома и остался цел». «Так почему не остался?» — спросил он. Я начал злиться, но сдерживал себя: «Вы надо мной издеваетесь, что ли? Я ничего не сделал,

потому что не знал, что со мной произойдет». Он повернул налево. Показывая маневр, почему—то не только поворотником, но и лапой: «Об этом я и говорю, сынок. Мы не знаем того, чего мы не знаем. Мы можем полагаться только на прошлый опыт, а приобретается он всеми по—разному. Каждый проходит эту жизнь по—своему». «Не хочу я проходить эту чертову жизнь! — огрызнулся я. — Моё призвание — полет». «Не в этот раз сынок, не в этот раз, — ответил шмель. — Ты думал, что крылья, это привилегия? Хотя многие так думают, дело не только в тебе. Лучше посмотри на меня. По всем параметрам, я не должен был летать. Большой вес и слабые маленькие крылья не лучшие партнеры. Думаю, ты с этим согласишься. Но я не стал мириться с этим и выбирать одно из двух. У нас все в роду были крупные, и все летали. Надо было приложить немало усилий, чтоб научиться летать не хуже других. Помню, падал я чаще, чем поднимался, но с каждой тренировкой мои крылья становились всё сильнее и сильнее. Десять тысяч часов тренировок прошли, пока у меня всё—таки получилось оторвать свою полосатую задницу от земли. Только вдумайся, сынок, в эти цифры: десять тысяч долгих и упорных часов тренировки. Потом и кровью я заслужил место в летном училище. Цена была слишком велика, поэтому мне и в голову не пришло относиться к полетам, как к чему—то пустяковому. Когда я сдал все экзамены и окончил летное училище, отец подарил мне золотую монету достоинством десять тысяч медоцентов и сказал: «Сын,

один медоцент не стоит ровным счетом ничего, как и один час жизни. Но скопи десять тысяч медоцентов и потрать десять тысяч часов на правильное дело, и увидишь, как они превратятся во что—то ценное не только для тебя, но и для окружающих. Сынок, сегодня эту самую золотую монету я решил подарить тебе».

Я не понимал, для чего он всё это рассказывает. Майор вихрь довез меня до самого дома. За это короткое время он стал для меня гораздо ближе, чем за все годы учебы. Он крепко пожал мне лапу и, посмотрев прямо в глаза, сказал: «Цени то, что имеешь, сынок, и прекращай попусту тратить часы своей жизни, чтобы по прошествии многих лет они стали для тебя такими же ценными, как эта монета». Я дал ему слово. Он протянул мне подарок. Я взял и не знал, что ответить. Так он и уехал. Больше мы не встречались.

— Это очень трогательно, Джей, – подала голос божья коровка.

— Черт возьми, мне ничего не оставалось, как только принять из рук этого доброго шмеля такой ценный подарок! – воскликнул Джей. – Только слова его я понял немного иначе. Не теряя времени, в этот же вечер я направился к Майе, чтобы вернуть её обратно.

— Вам удалось всё обсудить? – спросила Надежда.

— Скажем так, нашу встречу я представлял иначе.

В ближайшей лавке я купил букет цветов и отправился к Майе. Сердце билось в груди, как отбойный молоток, а жи-

вот сильно крутило.

Дом Большого Вилли всегда являлся тем местом, где собирались по вечерам большие компании. И в этот раз я услышал громкую музыку, доносившуюся из открытых настежь окон. Я долго стоял и смотрел на хорошо знакомую входную дверь, собранную из сотен разноцветных стеклышек. Ещё недавно эта дверь была для меня открыта. Сегодня же она казалась неприступными воротами, которые, кроме как тараном, ничем не пробьешь. Соблазн повернуть обратно становился всё сильнее и сильнее. Ждать больше было нельзя, и я нажал на кнопку звонка.

— Дверь открыла Майя? — уточнила божья коровка.

— Не тут—то было! Дверь мне открыл дворецкий — кузнецик Комю.

— А разве есть такое имя? — удивилась Надежда.

— Не думаю, — ответил Джей. — Его настоящего имени я не запомнил, а может, просто не знал. Болтуном его не назовешь. Комю любил рассказывать лишь о том, что все в его семье потомственными военными. К своей униформе дворецкого он приделал петлички и шевроны военного образца. А вместо шапочки носил берет с кокардой. Дисциплину среди обслуживающего персонала дома Комю держал подстать военной. Словарный запас прислуги состоял лишь из двух фраз: «Так, точно» и «Разрешите исполнять». Любые другие слова дворецкий отсекал, наказывая денежными штрафами. Единственное, о чем он не упоминал, так это о том, что вся

его родня несла службу в военном оркестре. Слабые легкие Комю поставили крест на карьере, прервав тем самым славную династию военных музыкантов.

Прозвище «Комю» дал ему я. Однажды мы с Майей сидели на террасе и решали, кого хотим видеть на ужине. Приняв решение, Майя подозвала к себе дворецкого, чтобы тот вручил пригласительные открытки. «Комю именно, отнести?» — спросил он. Мы рассмеялись. «Комю, комю, сам ты комю», — сквозь слезы от смеха ответил я. Так к нему и прицепилось это прозвище. Даже Большой Вилли к бедному кузнечiku после этого обращался исключительно — «Комю».

— Это злая шутка, Джей, — заметила божья коровка.

— Не буду спорить. Раньше я воспринимал только равных себе по статусу, чувства других мало меня волновали. Справедливости ради, дворецкий отплатил мне той же монетой.

Открыв дверь, Комю посмотрел сквозь меня и спросил: «Что Вам угодно?». «Привет, Комю. Мне нужно поговорить с Майей», — тихо ответил я. «Ваше общество здесь не уместно, бескрылые насекомые, если и заходят в этот дом, то только через задний двор. Боюсь, что для тебя и эта дверь закрыта. Говорят, пешие прогулки полезны калекам для здоровья, так что, топай, как можно дальше, пока я не вызвал полицию», — ответил он сухим и равнодушным голосом, каким общался только с попрошайками и прислугой. Признаться, я ожидал чего-то подобного. Но, когда тебе говорят такое прямо в лицо, держать себя в руках становится

очень сложно.

— Только не говорите, что вы его ударили? – испугалась Надежда.

— Не успел, он закрыл перед носом дверь. Признаться честно, когда ощущаешь себя полным куском дерьма, сложно дать отпор, даже тому, кто ещё вчера был слабее. Через открытое окно я услышал голос Майи, она интересовалась у Комю, кто приходил. Этот зеленый засранец ответил, что ошиблись дверью.

Вернувшись домой, я понял, что последняя нить, связывавшая меня с вчерашним миром, оборвалась, и связать её можно только одним способом.

— Вернув крылья? – предположила Надежда.

— Не в бровь, а в глаз, Над. Только я до сих пор не знаю, как это сделать? – ответил Джей. – Визитную карточку с вашим телефоном я нашел на тротуаре рядом с магазином, купив очередную бутылку «Хромой тли». Это название виски, – уточнил Джей.

— Вы правильно сделали, что позвонили мне... то есть в нашу службу, — отозвалась божья коровка.

— Вы так считаете? – в трубке на несколько секунд повисло молчание, наверное, трутень задумался. – Я выложил всё, как было, вот только легче, сказать по правде, мне так и не стало. Может, в ваших методичках сказано, как помочь насекомым вроде меня? Хороший совет сейчас бы не помешал. Что мне делать дальше? – Джей замолчал, приготовив-

шись слушать.

— Совет я вам дать не могу, – после короткого молчания ответила Надежда.

— Так я и думал. Хорошо поболтали и на этом спасибо. В следующий раз лучше воспользуюсь услугами собутыльника. По крайней мере, с ним хоть выпить можно, а не слюнявить чертов телефон битый час. Всего вам хорошего, Над, – Джей собрался прервать звонок.

— Подождите, дайте мне договорить, – ровным, спокойным голосом остановила его божья коровка.

— Валяйте, – вздохнул Джей. – Несколько лишних минут погоды не сделают.

— Поймите, каждый случай индивидуален. Под каждую жизненную ситуацию заготовленного ответа просто нет. Порой, после того как выговоришься, ответ на наболевший вопрос приходит сам собой.

— И каким же образом?

— Посмотрите на сложившуюся ситуацию под другим углом, – продолжила свою мысль Надежда. – Жизнь сложная штука. Совет, который помог одному насекомому, другому может просто навредить. Поймите это.

— Пока вы говорите абстрактно. Слов в этот вечер сказано много, а результат так и остался нулевым.

— Как знать? Допустим, даст вам кто—нибудь дельный совет. Вы им воспользуетесь. Есть ли стопроцентная гарантия, что совет вам поможет?

— Смотря какой совет, – задумался Джей. – Понятно, что гарантий никаких нет.

— С этим мы разобрались. Смоделируем ситуацию. Допустим, совет помог. Чья это заслуга?

— Того парня, кто его дал, – неуверенно ответил Джей.

— Вот видите. А если этот парень оказался не прав, и его совет не помог? – перешла в наступление Надежда. — Кто в этом случае будет виноват?

— Конечно, умник, болтающий, сам не зная что, – не думая выпалил трутень.

— Вот, Джей! Вы и ответили на свой же вопрос, – выдохнула божья коровка. – Поймите, другие насекомые, даже те, кто искренне хотят помочь, загоняют вас в ловушку. Помогли? Их заслуга. Навредили? Их же промах. А где во всём этом вы? – Джей молчал. – А я скажу вам, – продолжила Надежда. – Вы за кругом ответственности своей собственной жизни. Все вокруг будут виноваты или правы. Научитесь доверять себе, не боясь своих ошибок, – слово «своих» она постаралась выделить. — Вы там, где вы есть, и вы тот, кто вы есть. Нравится вам это или нет, Джей, но это так. Не перекладывайте свою жизнь на других и научитесь принимать свои решения, а приняв их, несите ответственность с высоко поднятой головой. Вы найдете крылья, только приняв себя таким, какой вы есть. Ведь крылья — всего лишь часть целого. Кто у кого был? Крылья у вас или вы у крыльев?

— Не вполне уверен, что до конца понял вас, Над, – по-

молчав, ответил трутень.

— Я и не жду этого, Джей. Просто пообещайте подумать над тем, о чем мы сегодня говорили.

— Подумаю, – пообещал Джей. – Прощайте, Над.

— Прощайте, – ответила Надежда. – Вы найдете свои крылья, Джей.

В наушниках Надежды послышались короткие гудки. Первое правило центра «Божья помощь» гласило: что бы ни говорил позвонивший, выслушай его. Второе правило звучало так: что бы ни говорил позвонивший, не пропускай сказанное через себя.

Не так уж сложно запомнить. Гораздо труднее следовать предписанным законам. Новички не воспринимали правила всерьез. Но опытная Надежда знала: того, кто нарушает первое правило и перебивает позвонившего клиента, увольняют. Тот, кто пренебрегает вторым правилом, очень быстро выгорает и увольняется сам.

Божьей коровке нравилась её работа. Она гордилась тем, что помогает насекомым, попавшим в беду. До этой минуты она ни разу не нарушила законов центра. Но история трутня, не была отвергнута душой, как инородное тело. Сердце божьей коровки приняло горе Джея, оно наполнилось болью и жалостью.

Чтобы немного отвлечься, Надежда переключила свой телефон на других работников центра, чего обычно никогда не делала. Открыв окно своего кабинета, она закурила тонкую

длинную сигарету. Жадно вдыхая горький дым табака, божья коровка хотела избавиться от не менее горького послевкусия разговора с трутнем. Она надеялась, что ночь унесет не только сигаретный дым, но и жалость к бескрылому насекомому.

2. Преодоление гравитации.

Повесив трубку, Джей замер и уставился в пустоту. Он никак не мог собрать мысли в стройный ряд. Его сознание блуждало, не зная за что зацепиться. Подобное ощущение возникает утром, когда тело уже покинуло постель, а мозг ещё не успел проснуться. Сидишь на краю кровати, натянув только один носок, и смотришь перед собой, не понимая, где ты, и что нужно делать дальше.

Прийти в себя, как ни странно, помог виски. Мало приятного, когда тебя держат за горло, даже если ты бутылка. Пока Джей блуждал в самом себе, «хромая тля» попыталась выскользнуть из цепкой руки хозяина. Побег не удался. В последнюю секунду Джей опомнился, и всё—таки успел удержать бутылку. Оглянувшись по сторонам, он припал к горлышку и сделал пару крупных глотков. Работающий телевизор отбрасывал яркий свет. Тени шевелились на стенах словно живые.

Одиночество заполняло всё пространство, подобно угарному газу от выхлопной трубы автомобиля. Джей становилось всё труднее и труднее дышать. Легкие не могли до конца

заполниться кислородом, из—за чего дыхание участилось. Когда приступ удушья стал невыносимым, Джей прокричал: «Я не могу дышать, мне срочно нужен свежий воздух!» Слова откликнулись эхом в пустом доме, чужим отвратительным голосом. Пока оставались хоть какие—то силы, Джей соскочил с места и побежал к выходу.

На улице стало немного легче. В голове появился новый страх. Дом, будто черная дыра, может засосать обратно, и тогда, он уже точно погиб. Ноги несли Джея по темным улицам города. Сталкивался с прохожими, но не сразу ощущал боль. Органы чувств подтормаживали. Чем дальше он убегал от дома, тем легче становилось дышать. Голова прояснялась. Вернулись запахи и звуки. Усталость, взявшаяся не пойми откуда, вцепилась клешнями в ноги, заставив Джея перейти с бега на шаг. Сердце, последовав примеру трутня, сбавило ритм. Посмотрев по сторонам, Джей с удивлением обнаружил, что находится в центральном парке. «Мне нужно куда—нибудь присесть, а лучше прилечь» — сказал он сам себе. Фонарь, стоящий рядом со скамьей, бил светом прямо в глаза, но ему было уже всё равно. Отвернувшись лицом к спинке, поджав под себя ноги, Джей, пожелав неизвестно кому «спокойной ночи», крепко уснул.

Большой город просыпается рано. Не обращая никакого внимания на ещё спящих насекомых, он начал гудеть в своём обычном режиме, бесцеремонно разбудив бескрылого трутня, спящего на скамейке в неестественной позе. Зевнув как

следует, Джей огляделся. Прохожие, привыкшие к бомжам в парке, не глядя в его сторону, торопливо пробежали мимо.

Крепкий сон иногда бывает лучше хорошего врача. Голова прояснилась, только немного побаливала. Страх ушел вместе с темнотой. «Пожалуй, я лучше останусь жить на этой лавочке, чем вернусь обратно в четыре стены. Живут же некоторые насекомые на улице и ничего, не жалуются. А дом буду сдавать кому—нибудь. Да хоть Комю!» — он невольно усмехнулся, не понимая, с какой стати приплел к своим рассуждениям этого кузнечика.

Решив размяться и выпить кружечку кофе, Джей вышел из парка. Через дорогу находилась автобусная остановка. Он уже забыл, что в мире существуют автобусы. Джей остановился. Ему стало интересно понаблюдать, как насекомые, расталкивая друг друга, штурмуют со скрипом открывшиеся дверцы автобуса. Бой был не на жизнь, а насмерть. Стены Трои, в первый же день, не выдержали бы такого натиска, к удивлению царя Приама. Ахиллес, держа оборону, проталкивал впереди себя юного Патрокла, чтобы тот занял для них два сидячих места. Крики и стоны доносились в толпе. Оттесненные назад к остановке, разбегаясь, врезались в толпу, используя последний шанс взобраться хотя бы на последнюю ступень заветного транспортного средства, понимая, что поражение неизбежно приведет к опозданию на работу. Водитель, так же наблюдавший за всем происходящим в боковое зеркало, то ли из жалости, а вероятнее из—за своего распи-

сания, закрыл двери автобуса на радость тем, кто, всё—таки, успел залезть; и, к досаде, тех, кто остался стоять на остановке. Придя в себя, насекомые начали вновь вглядываться вдаль, ожидая следующего автобуса и предстоящей битвы.

Джей с любопытством наблюдал за происходящим. Когда всё закончилось, его взгляд привлек баннер, висевший в глубине остановки. С него смотрело улыбающееся во весь рот лицо бабочки. Бабочку украшали огромные распахнутые крылья безумной красоты. Под этим творением природного искусства, Джей прочитал следующие строки: «Рожденный ползать — летать сможет! Пресмыкающийся друг! Записывайся на десятидневный курс Робина Вуда «Преодоление гравитации». Именно ты достоин, получить пару отличных крыльев. Телефон для справок...».

Джей не поверил своим глазам. Если гусеница смогла полететь, отрастив такие шикарные крылья, то для него это вообще не составит никакого труда. Из—за толпы невозможно было разглядеть номер телефона. Протиснувшись ближе к объявлению, он всё—таки смог увидеть заветные цифры. Как это обычно бывает, записать телефон было не на что. Оставалось только надеяться на память. Проговорив про себя несколько раз беспорядочный набор цифр, Джей со всех ног помчался к телефонной будке, которая находилась на углу через два дома от остановки. По иронии судьбы, таксофон был занят. Ждать долго нельзя. Цифры в голове начали путаться и забываться. Джей начал ходить взад и вперед,

нашептывая про себя номер телефона. Пустая болтовня какой—то волосатой гусеницы, занявшей заветную телефонную будку, не прекращалась.

— Ой, Сюзанна, я сама была в шоке, когда Хуан в прошлой серии бросил Эсмеральду из—за денег. Её отец, в случае расторжения помолвки, предложил этому красавчику круглую сумму денег. Могу себе представить, какой скандал будет в четверг, в следующей серии. Ведь брат Эсмеральды не простит предательство Хуана, если эта бедняжка наложит на себя руки. Подумать только, триста двенадцать серий развивался их головокружительный роман и тут — такой поворот. Я тоже проревела полночи. А что ты думаешь о грязном предложении гадкого отца бедняжки Эсмеральды?

Джей старался не слушать, о чем она говорила, чтобы не забыть цифры.

— Всего каких—то двести медодолларов за любовь. Подумать только, двести! Я бы ещё поняла, если бы этот старый скряга предложил, ну, скажем, семьсот, или хотя бы пятьсот пятьдесят медодолларов. Бедняга Хуан, его тоже можно понять. У его семи братьев и двенадцати сестер, не считая двух родителей, нет даже десяти медодолларов. Только поэтому его можно понять. И к тому же, он такой милашка!

Джей не выдержал, он не мог больше ждать. Распахнув дверцу будки, не говоря ни слова, он вырвал трубку у гусеницы и повесил на рычаг.

— Что вы себе позволяете? — заверещала гусеница. —

Это, хулиганство!

Джей начал протискиваться к телефону. Завязалась борьба. Гусеница оказалась не из робкого десятка и яростно защищала своё право на прерванный разговор.

— Пустите меня, — кричал Джей, — мне срочно нужно позвонить.

— Ишь, какой прыткий, — парировала гусеница, — дыма от пожара я вокруг не вижу, а все остальное может подождать.

— Но мне нужно. Я могу забыть, вы понимаете? Забыть!

— Не велико горе, как забудешь, так и вспомнишь. А не вспомнишь, так не велика потеря! — отбивалась гусеница.

И тут гусеница толкнула Джея с такой силой, что тот не удержался на ногах и упал на тротуар. Бой был проигран. Он хотел вступить в новую схватку, но телефонный номер вылетел из головы так же, как вылетел Джей из телефонной будки. Контратака потеряла всякий смысл.

Сидя на асфальте, он не мог поверить, что это происходит с ним. Слезы начали наворачиваться на глаза. Не боль была их причиной, а обида. Обида не только на толстуху гусеницу, но и на все, что окружало его, на весь мир и на самого себя. Ещё вчера такой успешный во всех отношениях трутень, сегодня, поверженный первой попавшейся гусеницей, калека. В своём сознании Джей упал гораздо ниже тротуара, на котором сидел.

Гусеница же внезапно сменила гнев на милость. Слезы на

глазах противника смягчили её. Заметив за плечами Джея оборванные крылья, она совсем растрогалась.

— Иди, милоч, звони, я уступлю. Поговорить с Сюзанной я могу и позже.

— Не могу я уже никуда звонить, — поднимаясь и утирая слезы, ответил Джей. — Я забыл этот чертов номер телефона на проклятом баннере со счастливой рожей бабочки.

— Постой, ты говоришь про Робина Вуда?

— Откуда вы знаете?! — выпучив от удивления воспаленные, но уже почти сухие глаза, вскрикнул Джей.

— А кто ж его не знает. Многие из наших называют его миссией. «Рождённый ползать — летать сможет!». Я и сама скоро полечу. Это у нас в крови, — вытянувшись как можно сильнее, с гордостью ответила гусеница. — Робин Вуд знает один секрет. У тех, кто пройдет десятидневный курс, крылья будут в кармане, точнее за плечами. Как говорит Робин Вуд, «Изменив мышление, изменишься физически».

— Помогите мне. Это моя последняя надежда, — взмолился Джей.

— Отчего не помочь, помогу, — взяв злосчастную трубку телефона, гусеница начала набирать спасительный номер. Джей впился глазами в цифры, словно жулик, наблюдающий за тем, как его подельник вскрывает сейф, в котором лежат драгоценности.

— Алло, Сюзанна, да это опять я. Подожди, дорогая, не тараторь, "Богатых и униженных" мы обсудим позже. Лучше

запиши на сегодняшний курс ещё одного желающего получить крылья. Нет мест? Что значит, все места распроданы? Ничего не хочу слышать, я знаю, что один билетик для тебя не проблема. То—то же, на чьё имя? — Она посмотрела на Джея: — Как тебя зовут, бедолага?

Он, глубоко дыша назвал имя.

— Его зовут Джей. Спасибо, дорогая. Значит, сегодня в пять вечера, в спортивном зале института «Бурения и подземных работ». Ты все слышал? — переспросила она.

— Конечно, сегодня в пять вечера в спортивном зале института «Бурения и подземных работ» — отчеканил Джей.

— Вот и молодец! — гусеница отвернулась, продолжая разговор с Сюзанной.

— Спасибо вам, — ответил Джей уже закрытой дверце телефонной будки.

Он шел по улице, немного прихрамывая. Как ни странно, боль от падения пропала, как в прочем и обида. На место этого саморазрушающего чувства пришло совсем иное ощущение. Жизнь, как не тривиально это может прозвучать, заиграла новыми, точнее, давно забытыми яркими красками. Солнечные лучи грели как невидимый мягкий плед. Насекомые, обычно проходящие мимо с опущенными головами и озабоченным видом, сейчас, почему—то улыбались, глядя прямо в глаза. Джею моментами начало казаться, что с каждым шагом он всё больше отрывается от земли. Он понимал, что это пока ещё игра воображения, но старался специально

не смотреть под ноги, чтобы не потерять ощущения полёта.

Целый день он бесцельно слонялся по городу в ожидании предстоящего представления. Солнце в этот день нарочито медленно тащило свою яркую задницу за горизонт. Джей, наматывая круги около института, каждые десять минут смотрел на время. Стрелки часов на фасаде были солидарны с небесным светилом и не видели особых причин идти быстрее.

В половину пятого участников начали запускать в спортивный зал, расположенный на первом этаже. Подиум соорудили у самой стены, под баскетбольным кольцом; под самым потолком на плакате большими буквами был написан уже знакомый девиз: «Рожденный ползать — летать сможет!». Джей, как мантру, прошептал эти слова пять раз. Насекомые шли единым потоком, заполняя все свободное пространство зала. Дышать и двигаться с каждой минутой становилось всё труднее и труднее. Голоса с разных сторон превратились в один протяжный гул. Обстановка с каждой минутой начала накаляться от жары и давки. В половину шестого насекомые начали нервничать, задавая друг другу вопрос: «Когда начнется выступление Робина Вуда?». Никто точного ответа не знал, но чтобы успокоить стоящего рядом отвечали, что с минуты на минуту начнется.

Потолок высотой в два этажа, от нехватки свежего воздуха и томительного ожидания начал опускаться на головы ожидающих, угрожая всех раздавить.

Вольготно себя чувствовала только одна сороконожка, которая, видимо, уже наученная опытом, забралась на противоположное баскетбольное кольцо. Свесив свои ножки, она беззаботно болтала ими над головами толпы, периодически переговариваясь с кем—то из насекомых.

Вдруг завопили колонки протяжным женским, но стоит отдать должное, красивым голосом.

Чудный крыльями взма—а—ах,
Вольный ветер в ноздря—я—ях,
Робин Вуд подсказа—а—ал,
Как летать в облака—а—ах.

«Началось» — подумал Джей. Зал загудел. Все дружно начали подпевать колонкам. Стало ясно, что новичков в этом зале было не много.

Трижды пропев незамысловатое четверостишье, колонки замолчали на пару секунд, после чего взорвались оглушительными фанфарами. Примерно на десятой минуте громающего пафоса, на сцену откуда—то с потолка, плавно, как осенний лист с дерева, спустился Робин Вуд. Весь зал затих, смотря не на самого Робина Вуда, а на его большие, расправленные в разные стороны, крылья, на которых красовались рисунки, напоминающие глаза восточной красавицы..

Джей был заморожен, как впрочем и все, кто находился в зале. Организаторы представления, сделали свою работу на отлично. Все эти приемчики: томительное ожидание в начале; красивые женские голоса и громкая торжественная

музыка; эффектное появление Робина Вуда, больше напоминающего снизошедшего с небес на землю божества, чем обычное появление насекомого, произвели гипнотизирующий эффект на толпу. Теперь из этой массы можно было лепить всё что угодно.

Взяв микрофон, Робин Вуд не торопился начинать свое выступление. Музыка продолжала играть, насекомые продолжали аплодировать. Ощущение единства наполняло каждого и передавалось стоящим рядом. Робин Вуд впитывал энергию зала, обнажив белоснежную улыбку и усиливал ее десятикратно взмахами шикарных крыльев. Он то и дело подходил к краю сцены, протягивая лапки стоящим в первых рядах насекомым. Как те ни старались дотронуться до объекта обожания, им никак не удавалось. Организаторы предусмотрели и это.

Когда же зал начал потихоньку уставать, и аплодисменты стихли, Робин Вуд набрал в легкие как можно больше воздуха и:

— Знакомые стены, — начал он, оглядываясь по сторонам. — Ползки на сто метров удавались мне гораздо лучше, чем забрасывание мяча в корзину. — Зал раздался хохотом.

— В этом институте меня научили многому: подземным работам; из чего состоит грунт; с какими инструментами нужно работать на глубине; всему, включая технику безопасности на производстве. Но от чего? От завалов под землёй, действиям при возгораниях или понижения кислорода

в шахте? Безусловно эта полезная информация спасла жизнь не одному насекомому. Но вот вопрос, который не давал мне покоя: а что, если бы я родился не гусеницей? Если бы моей природой был полет под лучами солнца, а не подземные работы в грязи и темноте? Пригодилась бы мне эта техника безопасности, если бы я летал от одного цветка к другому, собирая сладкую пыльцу, а не вытаскивал камни из—под земли, кашляя забитыми пылью легкими? Думаю, не одному мне приходили подобные вопросы.

— Да, не одному тебе, — одобрительно подтвердил зал.

— Я ходил по коридорам с учебником бурения канализационных каналов и думал: всё это и есть моя судьба? Никто не спрашивал, чего хочу я. Школа, в которой я учился, готовила меня с первого класса к моему, якобы, призванию. А кто это решил, спрашиваю я вас? Кому дано право решать за других, кем им стать в жизни?

— Никому! — хором подтвердил зал, как будто нужные выкрики им показывали на специальных табличках.

— Да пошли они все! — поддавшись всеобщей воодушевленности, закричал Джей.

— Правильно, друг мой, я однажды именно так и сказал: «Пошли вы все!», — услышав из общего гула слова Джея, ответил Робин Вуд. — Но как преодолеть эту силу гравитации? И я вам говорю, не о силе земного притяжения. Есть кое—что посильнее. Сила внушения обществом, кем тебе стать. — Бабочка ткнул наугад пальцем в какого—то парня.

— Как нам измениться, Робин Вуд? — взмолился тот, на которого указали.

— Я — Робин Вуд, и я помогу вам взлететь. Курс десяти правил преодоления гравитации поможет вам не уползти после тренинга, а улететь со мной из вон того окна под потолком. — Сотни глаз устремили свой взор на маленькое окошко.

— Хочу обратить внимание всех присутствующих, — продолжал Вуд, — что сегодня вводный тренинг всех десяти правил «Преодоления гравитации». Для полёта со мной вам нужно будет пройти полный курс из десяти уроков силы. Каждое из десяти правил, раз в неделю, не пропуская ни одного. Оплата принимается наличными. При оплате за полный курс единоразово мы дарим скидку, в размере двух процентов от стоимости. — «Двух» бабочка протянул насколько хватило дыхания. — Конечно, каждый из вас понимает, что платит деньги не мне, и не за тренинг. Деньги меня не интересуют. Вы платите себе же, за свои собственные крылья. Крылья свободы! Ну что, начнём?!

— Да, начнём! — закричал зал. И громче всех, как ему казалось, закричал Джей.

Музыка вновь заиграла из колонок, ещё громче, чем прежде. Женский голос пел знакомое четверостишие. Толпа не отставала, стараясь вытянуть высокие ноты песни, из—за чего многие закашляли, не переставая хлопать под ритм незамысловатой песенки.

— Первое правило «преодоления гравитации» называется: Невозможное — возможно! Когда—то насекомые считали, что невозможно полететь в космос, но когда это сделал один астронавт, это стало возможным для ста других астронавтов. Когда—то казалось невозможным переплывать океаны, но, придумав корабли, насекомые тысячами путешествуют от континента к континенту, посещая десятки стран. Невозможно существует ровно до тех пор, пока кто—то один не преодолеет невозможное. Для всех, кто пришел после, это уже реальность, поэтому слово «невозможно» становится синонимом слова «лень» и «не хочу». И то, что я стою перед вами, является доказательством работы первого правила. Из неказистой гусеницы с лишним весом и железными скобами на зубах, я стал тем парнем, что стоит перед вами.

Однажды мне на глаза попался журнал, где писали о гусенице, который смог отрастить себе крылья. Его опасный полет под городским мостом описывали все газеты города. Узнав об этом, я не мог спать. Нужно было что—то делать, но я не знал, что именно. Долгие годы я подробно изучал всё, что касается полетов и крыльев. Многочисленные ошибки приводили меня в отчаяние, сотни раз мне хотелось всё бросить. «У тебя ничего не выйдет», — говорили мне окружающие. Но я не сдавался. Невозможное — возможно, если получилось у одного насекомого, значит, однажды получится и у меня. Годы спустя я доказал всем, что был прав, а они нет. Благодаря нашему тренингу, вам не придется тратить уйму

времени на штудирование сложной литературы. Я сделал это за вас, друзья мои!

— Спасибо тебе, Робин Вуд! – закричали с разных сторон.

Джей услышал разговор двух червяков рядом с собой. «Я что, идиот, тратить свою жизнь на чтение всякой ерунды? Лучше заплатить этому бабочке, пусть расскажет, что делать». «Так проще всего», — согласился второй.

— Второе правило я назвал: «Тот самый день!» – продолжал Вуд. — Суть его заключается в следующем. Нам кажется, что в будущем наступит «тот самый день», но вот проходит время, годы сменяются годами, а «тот самый день» так и не наступает. Не думайте, что в будущем может получиться лучше, чем сегодня. От многих я слышал: «у меня сейчас мало опыта, у меня маленькие дети и совсем нет времени на себя, у меня много работы и времени ходить на тренировки совсем не хватает, лучше потрачу скопленные деньги на отпуск или ремонт, а со следующих накоплений пройду курс «Преодоления гравитации». Поймите одно, друзья мои, жизнь коротка, и не всем нашим планам суждено сбыться в силу объективных обстоятельств. Но скажите себе: «готов ли я прозябать в постоянной рутине дел, радуясь мелочам ежедневности, надеясь, что всё-таки наступит тот самый день»? У нас есть только сегодня. У нас есть только двадцать четыре часа. Начните вкладывать в свою жизнь, а не откладывать её на потом. Я задам вам только один вопрос: а придет ли когда—нибудь «тот самый день», или его нужно создать само-

му здесь и сейчас? Если вы пришли сегодня в этот замечательный просторный зал, значит, уже сами ответили себе на этот вопрос. Пока за этими стенами насекомые тратят своё время на бытовуху, вы возвышаетесь над собой. Пока только над собой, но в скором времени вы возвыситесь над насекомыми за этими дверями. Я помогу вам в этом, друзья мои!

— Здесь и сейчас, здесь и сейчас, — начал скандировать зал.

— Третье правило и третий день тренинга, я назвал: «Стань не собой!». В вас одновременно существуют три «Я». Первое «я» — это тот вы, кем являетесь на сегодняшний день. Нравится вам это или нет, но это так. Всё, что вы имеете: дом, семья, деньги, лежащие в ваших карманах, это сегодняшний вы со всеми проблемами и радостями жизни; второе «я» — это тот, кем вас считают другие насекомые: за ваши слова и поступки, действия и бездействия. Их мнение о вас крепко сидит у них в головах. Словами насекомых не переубедить, только действиями, только поступками можно поменять мнение окружающих; третье «я» — это тот вы, кем хотите стать. Этот образ ещё только в вашей голове, он существует в ваших мыслях. И только от вас зависит, кем быть. Начните становиться не собой. Сначала, измените своё первое «я».

После того, как внутри вас произойдут качественные изменения, отношение окружающих начнёт меняться, ваше второе, внешнее «я», изменится. После второго изменения,

вся биохимия вашего организма начнёт перестраиваться с такой силой, что сама природа признает, что была не права и поменяет третье «я». Не бойтесь менять себя, и я помогу в этом, друзья мои!

— Четвёртое правило я назвал «Вера». Мы часто пренебрегаем этим чувством. Чаще мы пользуемся его противоположностью. Сколько раз в своей жизни вы говорили себе и окружающим, что не верите в то или не верите в другое, и это не удивительно. Еще будучи личинками, мы слышим от взрослых, что нельзя верить чужим насекомым, и мы не верили словам своих друзей, не верили, что нам пишут в книгах и говорят по телевизору. Становясь старше, мы перестаём верить родителям и учителям. Став взрослыми, мы перестаём верить мужьям и жёнам, коллегам по работе и всему миру в целом. В кругу тотального безверия, мы сами того не замечая, перестаём верить и себе. Это и понятно, как часто мы себя обманывали. Я больше не буду пить алкоголь, но в пятницу перед телевизором в руке оказывается бутылочка пива; я больше не буду курить, но с утра первым делом тянемся за сигаретой; я буду худеть или заниматься спортом, произнося эти слова, мы уже не верим в их исполнение. Нужно меняться, убирать из своей жизни приставку «не» и начать верить. Верить в свои мысли и поступки, верить в завтрашний день, верить своим родным и близким, верить в себя. Вера, только вера помогла первому насекомому изменить своими поступками слово «невозможно» на

«получилось», не обращая внимания на сомнение других. Не веря, что можешь полететь, ты никогда не полетишь. Начните верить вместе со мной, друзья мои, и я помогу вам!

Джей стоял, впитывая каждое слово. Ему казалось, что кроме него и Робина Вуда, в зале больше никого нет. Каждое правило, на первый взгляд очевидное, откликалось в его сердце маленькой истиной жизни. Словно волшебник нашептывал сакральные секреты, недоступные обычному человеку. И благодаря этим секретам он, Джей, будет обладать мудростью доступной только избранным.

В это время Робин Вуд, расхаживая по сцене, продолжал: — Пятое правило «преодоления гравитации» называется "Внутренняя сила". Найдите в душе свою внутреннюю силу, словно на участке около дома скважину с кристально чистой водой. У каждого она находится на разной глубине, но чем глубже придется копать, тем чище вода. Имея колодец с водой, вам уже не придётся платить за общую ржавую хлорированную воду из—под крана. У вас появляется неисчерпаемый запас воды, и никто не посмеет отключить её. Никто не подмешает в неё отравляющую химию сомнения. Да, будет тяжело копать свой душевный колодец. Ведь у многих он находится очень глубоко. Но, я смотрю на вас и вижу, вы не из тех, кто будет довольствоваться скудной струйкой, разбавленной общественной мутной силой, под названием «поддержка окружающих», которую перекрывают, как только вы начинаете набираться сил. Вам её дают только для

того, чтобы вы не умерли от жажды, а не для того, чтобы вы становились сильными насекомыми.

— Нет, хватит! Напились сполна этой отравы! — загудел зал.

— Раскопайте свою внутреннюю силу. Становитесь сильными, не боясь, что можете отравиться. На пятом тренинге личностного роста я дам вам нужные инструменты. Согласитесь, копать лопатой гораздо удобнее, чем голыми руками.

— Правило под номером шесть, я назвал «Уже летаю». — Робин Вуд говорил быстро, но четко без передышки, толпа в зале находилась в постоянном тоне. Ритм, ритм, ритм, останавливаться было нельзя. Насекомые не должны были выйти из этого гипнотического состояния. Тренинг в режиме нон—стоп не давал опомниться ни на секунду. — Уже летаю — это ваше поведение в настоящее время. Ведите себя, как если бы вы уже умели летать. Ваше общение с окружающими, поведение в различных ситуациях, ваши эмоции должны быть такими, словно за плечами у вас уже есть пара роскошных крыльев. Это поможет вам приблизить свое будущее и понять, как это — быть с крыльями. Действие поражает действие, если вы хотите изменить себя, начните каждое утро, стоя перед зеркалом в течение двадцати минут, изображать себя с крыльями. Закрывая глаза, представляйте, что парите в воздухе. Наблюдайте за летунами, как они взлетают и приземляются, чем они занимаются в повседневной жизни, о чем думают и так далее. Смотрите интервью и

фильмы с насекомыми, добившимися больших результатов в своем ремесле. Получив крылья, вам будет проще вести себя. Вы сможете предотвратить много ошибок на начальной стадии новой жизни. И не ждите завтрашнего дня, начните сегодня.

Вспомним второе правило. Друзья мои, сейчас я попрошу всех закрыть глаза. Все без исключения. Окей, молодцы, у вас отлично получается. А теперь все вместе расставим лапы в разные стороны. Только не угодите в глаз соседу справа и слева. Давайте смелее. Молодцы, отлично справились и с этим! Из нас вышла отличная команда летунов! А теперь начинаем размахивать лапками вверх и вниз, как можно сильнее. Я просто в шоке, никогда не встречал столько талантливых насекомых в одном зале! Настало время усложнить задание, но для вас это не проблема. При каждом взмахе прыгаем на месте как можно выше. Прыгаем, прыгаем. – В спортивном зале творилось, что—то невообразимое. Топот заглушал музыку, специально подобранную для ещё большего эффекта. Многие теряли равновесие и падали на пол. Не открывая глаз, они снова поднимались и опять начинали прыгать до следующего падения.

Робин Вуд стоял на сцене, наблюдая за происходящим. Он закрыл лапой свой микрофон, чтобы смех не смешивался с музыкой. Джей вспомнил её, эта музыка играла в фильме "Молодой авиатор". В других обстоятельствах Джей чувствовал бы себя полным придурком. Но как это обычно бы-

вает, коллективное бессознательное напрочь отбивает способность критически думать и трезво оценивать происходящее. Посчитав, что толпа напрыгалась вдоволь, Робин Вуд продолжал.

— Друзья мои, настало время для седьмого правила. Его я назвал «Создавай удачу сам». Вам может показаться, что только избранные вправе слизывать все сливки окружающего мира. Что существует какой—то воображаемый талант, и если ты не родился под счастливой звездой, значит, счастья и успеха тебе не видать. Это не правда. Не верьте, если кто—то будет утверждать, что другие более удачливы, чем вы. Только усердный труд и работа над собой помогла мне и тысяче других насекомых полететь. Как говорил один выдающийся политик прошлого: «Удача приходит с лопатой и в рабочем костюме». Путь к мечте тернист и долог. Пройдет время, и однажды, какой—нибудь насекомый мечтательно посмотрит на небо и увидит вас, летающих в облаках. — За спиной Робина Вуда заиграла красивая тихая музыка. Весь зал замолчал, проникаясь каждым словом, сказанным бабочкой. — Он вздохнет и скажет: «Как же ему повезло», посмотрев вверх, этот несчастный пойдет дальше по своим делам, не зная, — Робин Вуд опять нарочно сделал паузу, — что эту мечту создали для себя вы сами. Создавайте свои удачи, друзья мои, а как это сделать, вы узнаете на седьмом уроке курса «Преодоления гравитации».

— Восьмое правило супер курса «Преодоления гравита-

ции» пройдет под названием «Внутренний голос». Ответьте мне, кто сегодня привел вас сюда? Никто не взял вас за руку и не притащил в этот спортивный зал. Ведь правильно? Вас сюда привёл ваш внутренний голос. Здесь всё может показаться на первый взгляд просто и понятно но, как и всегда, есть это «но». Разве один внутренний голос постоянно ведёт с вами диалог? Не каждый в этом зале может ответить на этот вопрос. Наши инстинкты толкают к получению сиюминутного удовольствия. Инстинкт бережет наши силы и заполняет ненужными, но очень уж вкусными калориями. От этого, как известно, мы ленимся и толстеем. Голос инстинктов диктует нам, когда следует бояться и убегать, когда наоборот, злиться и нападать. Не спорю, этот парень знает, как нам помочь в трудную минуту. Но настало время нашего «но». – Улыбнулся своей широкой белозубой улыбкой Робин Вуд. – Стоит ли нам прислушиваться к голосу инстинктов постоянно? Постоянно набивать брюхо и валяться на диване? Чем мы будем отличаться от домашних животных? Миллионы лет насекомые подчинялись лишь голосу инстинктов, но однажды древний насекомый услышал в себе ранее незнакомый ему голос. Голос разума. Именно тогда, из насекомого прямоходящего наш предок превратился в насекомого разумного. Он стал шептать «что нужно», а не «что хочется». Многим великим мира сего именно голос разума нашептал, что нужно делать. И до сих пор мы пользуемся благами этих великих ученых, не зная даже их имен. Подробнее об этом

мы будем говорить на восьмом тренинге курса, – Робин Вуд сделал умышленную паузу, дав залу закончить предложение. Толпа прокричала в один голос:

— «Преодоления гравитации»!

Бабочка продолжил:

— Хочу лишь добавить. Голос разума, хоть и говорит тихо, но всегда по делу. Именно он привел вас в этот зал. Именно его настойчивость поможет заставить себя трудиться, пока голос инстинктов будет кричать о сиюминутных желаниях, которыми вдоволь засыпают нас корпорации «Хлеба и зрелищ». Чтобы полететь, нужно потрудиться, и поможет в этом голос разума. Я помогу вам услышать голос разума и заставить его говорить громче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.